

Александр ТРОШИН

ИЗ ЗАПИСЕЙ

К статье или к докладу о состоянии киномысли
(возможно, к 10-летию «Эйзенштейн-центра»)

У нас исчезли обзорно-проблемные статьи о кино. Их нет. (Надо бы пролистать в связи с этим журнал «Искусство кино» за последние годы, но и без этого подозреваю, что таких статей там нет, в то время—где как не там, в журнале по определению призванному осмыслять кинопроцесс, должны быть такие статьи.) Этот жанр еще как-то пытается удержать старшее поколение критиков, вроде Е.М.Стишовой, но это лишь одинокие попытки, не более того. Это лишь одна точка зрения, а их должно быть много. Статьи, формально называющиеся обзорами, скорее собирают и инвентаризируют материал (что, несомненно, важно), но не осмыляют его.

Вообще главным жанром нынешней критики стала рецензия. Она тоже изменилась. Рецензия 60–70-х годов была, в лучших своих образцах, очень емкой, она как бы содержала в себе представление о кинопроцессе, он незримо присутствовал весь, «за кадром» разбираемого фильма.

Этого нет в нынешней рецензионной практике. В нынешней рецензии есть только *этот* фильм, в лучшем случае сравниваемый с другим фильмом этого же жанра, представляющимся рецензенту образцом (бог знает по каким параметрам).

Это объясняется, помимо всего, и тем, что к рецензионной практике обратились те, кто, в общем, не очень хорошо знает (и понимает!) историю кино, даже недавние ее периоды. Поэтому нынешний рецензент и не мо-

жет (и отказывается) вписать данный фильм в некую поступательную или регрессивную линию. Это явление с оборванными концами. Поэтому чаще всего рецензирование носит сугубо вкусовой, индивидуально-вкусовой, или этакий исповедальный характер, соотносящий фильм с индивидуальным опытом внешней и внутренней жизни. Иначе говоря, амбициозно- (а порой агрессивно)самовыраженческий характер. Свои собственные разборы с миром (в том числе с профессией) автор проецирует на разбираемый фильм.

Мы говорим о «журналистской» критике. В западной практике критика давно разделилась на критику «журналистскую» (проплаченную или непроплаченную, это другой разговор,—имеет место и то, и другое), тем не менее, критику, затрагивающую лишь поверхность обсуждаемого предмета (его очевидные связи с контекстом, будь то социальный, политический, экономический, культурный, кинематографический, потребительский), и критику «университетскую» (такое название получила критика аналитическая, разной степени и характера аналитичности). Критика, смыкающаяся в каких-то точках с теорией кино, с культурологией и другими областями гуманитарного знания, исследующими, в том или ином аспекте, кинематограф. Иначе говоря—с тем, что называется там «film studies». У нас это называется «киноведением».

(Замечу «на полях»: я не испытываю комплекса неполноценности, используя именно этот, данный мне отечественной традицией термин, не спешу его заменить на англоязычный, не вижу в этом никакой особой нужды, коль скоро работаю на этой территории, в системе этого языка.)

Так вот, аналитической, «университетской», или, по-нашему, киноведческой критики у нас сегодня днем с огнем не найдешь. Очень немногие ее представляют (из лучших И.М.Шилова, Е.Я.Марголит... вот, пожалуй, и всё). Смены пока нет. Молодежь устремляется—в силу разных обстоятельств—в лучшем случае в критику «журналистскую» (хорошо оплачиваемую), а то и просто—в информационно-рекламную, в медийно-популяризаторскую деятельность (еще лучше оплачиваемую). В аналитической критике (à propos: я сначала хотел сказать «в независимой аналитической критике»), но потом подумал, что «аналитика»—если она подлинная аналитика, а не подтасовка данных под необходимый результат—уже содержит в себе как условие искомую «независимость») не нуждаются ни кинопроизводство, ни стратегическое планирование отрасли. Во всяком случае, они не проявляют в этом подлинной заинтересованности. Разве что формальную, дежурную, для сохранения такой институции.

Можно, конечно, сетовать на отсутствие неформального государственного интереса в развитии киноведения как аналитической составляющей, но я подумал: а когда оно, государство, по-настоящему было в этом заинтересовано? Больше того: когда оно по-настоящему было заинтересовано в развитии философии, истории, социальной психологии и других неприкладных гуманитарных наук? Сохраняя и в меру возможностей поддерживая их, оно всегда видело их прикладными, даже если в этом не признавалось. Государство всегда ожидало от них обслуживания государственных идеологем (общественно-политических, экономических). Боюсь, что по-иному и не может быть.

Кто же должен в таком случае поддерживать отнюдь не рыночные области гуманитарной мысли, гуманитарного знания? Не государство. Но... общество!

Мы постоянно говорим о «развитом» и «не развитом» обществе. По-настоящему «развитое общество» определяет государству приоритеты государственной опеки. Общество, которое озабочено самосохранением и развитием—экономическим и духовным. Или в другом порядке—духовным и экономическим. Развитое общество осознает эту взаимосвязь духовного, культурного и экономического. Поэтому оно—в лице ли государства, выделяющего соответствующие ассигнования, в лице ли меценатов, типа Сороса—поддерживает неприкладную гуманитарную «университетскую» науку, с ее огромным количеством, вроде бы, никому не нужных, вызывающих порой вполне понятную иронию, диссертаций и исследований по самым что ни на есть частным проблемам.

Одно время была попытка свернуть деятельность целого ряда никому не нужных научно-исследовательских институтов, ликвидировать их. Ликвидировали. Сотрудники этих «НИИ-чего» составили легион мелких предпринимателей, «челноков» и продавцов городских «оптовок». Но!.. Неожиданно возникло много новых научных институтов и исследовательских групп, занимающихся социальными проблемами. Я, когда смотрю различного рода телевизионные ток-шоу (по разным проблемам), всегда с интересом читаю титры, представляющие тех или иных участников этих телевизионных дискуссий. Я обратил внимание, сколь много возникло институтов, занимающихся политическими, экономическими и социальными проблемами. «Институт стратегических исследований развития русского Севера», «Институт стратегических исследований развития российского Юга», «Институт проблем Кавказа», «Институт макроэкономических проблем», «Институт микроэкономических проблем»... Каких только нет! Передо мною на экране в качестве экспертов той или иной обсуждаемой проблемы проходят руководители этих институтов, и я сбиваюсь со счета... Сколько же их, этих институтов? И какие есть еще? Я хотел бы получить список. Это было бы очень интересно. Догадываюсь, что часть этих «институтов» или всевозможных, часто дублирующих друг друга «академий» (которые начали было множиться в конце 80–90-х годов), располагаются в квартирах их руководителей (как российская Киноакадемия—в квартире Сергея Владимировича Дробашенко). Так что это, по-видимому, в полном смысле слова «независимые» исследователи, то бишь не поддерживаемые никакой государственной властью, а действующие исключительно на свой страх и риск. Но я и к этим мнимым «институтам» или «академиям» не отношусь (за исключением некоторых) с недоверием и иронией. Их возникновение, а если они еще и в самом деле существуют и существуют продуктивно, то и их существование подтверждают их общественную необходимость. Это проявление, в одних случаях—государственного (если оно их прямо или опосредованно—скажем, через те же университеты—финансирует), а в других случаях—общественного заказа. Кстати, общество как заказчик может быть не столь уж обезличено. Генеральным заказчиком в ряде случаев выступают, вероятно, общественные объединения и политические партии. И дело здесь

не в названиях—«институт», «академия». В реальности это может быть небольшой исследовательский коллектив (в 4–5 человек), возникший для реализации конкретного исследовательского проекта или суммы проектов или долгосрочной комплексной исследовательской программы. (Пример: Институт русистики в Венгрии, состоящий из 5–6 человек, занимающийся социологическими, политологическими и культурологическими исследованиями, связанными с современной Россией.) Думаю, что образованный в 1994 году «Эйзенштейновский центр исследований кинокультуры»—аналогичное общественное объединение, созданное с целью стимулирования развития отечественного киноведения и издания соответствующей литературы. Помню, когда «Эйзенштейн-центр» создавался, учреждался, были скептики, видевшие в этой затее нечто хлипкое, малосерьезное, в лучшем случае—конкретно-утилитарное, прагматичное (обретение правового суверенитета, включая «юридическое лицо» и банковский счет, журналом «Киноведческие записки», до этого имевшего издателем НИИ киноискусства и, соответственно, от него зависевшего). Безусловно, импульс был именно этот. Но при том вырисовывались комплекс напрашивающихся задач и возможная широкая программа деятельности. Другой вопрос, что для обеспечения этой деятельности у самостийно, по инициативе снизу, образовавшегося общественного объединения, не было средств. И в силу этого «Эйзенштейн-центр» позиционировал себя прежде всего как издательскую группу. Издательская деятельность на первых порах ограничивалась журналом «Киноведческие записки» и попытками (экспериментами) осуществить другие газетно-журнальные проекты (газета «Кинозритель», критико-библиографический журнал «Читальный зал»), не вышедшими за пределы в первом случае одного «пилотного» номера, а во втором случае—пяти «пилотных» номеров. Но параллельно мы приступили к книгоиздательской деятельности. Она началась изданием книг М.Ямпольского «Видимый мир» и Франсуа Трюффо «Хичкок», а затем крупным и ответственным проектом: изданием теоретического наследия Эйзенштейна (изданы книги «Монтаж», «Метод» в двух томах, готовится двухтомное издание «Неравнодушной природы»*, которое будет состоять из двух книг—«Чувство кино» и «Строение вещей»). Сейчас в работе в первой стадии осуществления находится еще один издательский проект: четырехтомное издание литературного и теоретического наследия Дзиги Вертова**. Параллельно «Эйзенштейн-центр» участвовал в совместных издательских проектах—с НИИ киноискусства и Музеем кино (книги А.Трошина «Время останавливается», монография Н.Нусиновой о русской киноэмиграции), с Кинофондом (монография Б.Иванова о японской мультипликации), с Венгерским культурным центром (книга А.Трошина «Страна Янчо»), со ВГИКом (сборник «Close-up. Историко-теоретический семинар во ВГИКе. Лекции 1996–1998 гг.», монография В.Мильдона и др.). На очереди—совместное издание с НИИ искусствознания «Эйзенштейн о Мейерхольде», подготовленное В.Забродным.

* Книги вышли в свет в 2004 и 2006 гг.—соответственно.—Прим. ред.

** Изданы два тома: «Драматургические опыты» (2004), «Статьи и выступления» (2008).—Прим. ред.